

Видя, что снаружи вот-вот начнется драка, Чжоу Цзылан выпрямился и одернул полы своего халата. Убедившись, что всё в порядке, он принял холодный, отстраненный вид и вовремя распахнул дверь, бросив равнодушный взгляд на Чэнь Ецина.

— Опять что-то не поделили? Или мне нужно еще раз подробно разъяснить вам правила горы Чунмин?

Услышав звук открывающейся двери, Чэнь Ецин мгновенно стер с лица гнев, тут же подошел к Шан Сюаню и, по-приятельски обняв его за плечи, расплылся в невинной улыбке:

— Сяньцзунь, вы неправильно поняли. Мы с Шан Сюанем просто баловались. Прошу прощения, что потревожили ваш покой. Это моя вина.

Скорость, с которой он сменил маску, заставила даже Чжоу Цзылана, считавшего себя мастером офисных интриг и приспособленчества, втайне восхититься.

После короткой паузы, повисшей в воздухе, Чжоу Цзылан перевел взгляд на Шан Сюаня, который стоял с невозмутимым лицом и даже не пытался оправдываться. Он слегка смягчил тон:

— Это правда?

Шан Сюань, привыкший к тому, что его вечно игнорируют, на мгновение замер. Лишь спустя время он осознал, что вопрос адресован ему. Раньше, когда его обижали, стоило кому-то сказать, что это просто шутка, как Лан Юэ, не задумываясь, закрывал на всё глаза, даже не пытаясь докопаться до истины. Или, если быть точнее, Лан Юэ прекрасно знал правду, просто ему было лень тратить силы на восстановление справедливости.

И вот теперь Шан Сюань наконец услышал слова, которых не дождался в прошлой жизни. Но тот Шан Сюань, что когда-то ждал любви и поддержки от своего наставника, давно погиб в демонической бездне. Когда к нему вернутся силы, настанет время страданий и мучений для Лан Юэ!

Шан Сюань опустил глаза, пряча под длинными ресницами холодный блеск, и на его лице отразилась послушная покорность:

— Да, учитель.

Этот ответ вполне устроил Чэнь Ецина, который исподтишка посылал ему предупреждающие взгляды. Он снова повернулся к Чжоу Цзылану с угодливой улыбкой:

— Видите, Сяньцзунь, мы бы ни за что не стали ссориться или драться. Можете не волноваться!

Да как же, не станут они драться. Как только Лан Юэ уйдет, этот мелкий негодяй сполна получит свое! Чжоу Цзылан слышал, как в голове Чэнь Ецина щелкают счеты, даже не глядя на него. Да и не нужно было смотреть — и так ясно, что этот тип не оставит всё просто так. Все-таки Чжоу Цзылан был тем самым избранным, кто читал оригинал.

Удивляло лишь то, что Шан Сюань, известный своей злопамятностью, промолчал. Впрочем, чему тут удивляться? У нынешнего Шан Сюаня нет сил, так что все обиды он может только записывать в свою книжечку, чтобы отомстить, когда станет сильнее.

— Надеюсь, что так. Иначе я покажу вам, почему цветы расцветают такими алыми, — угрожающе произнес Чжоу Цзылан.

Чэнь Ецин моргнул, озадаченно переспросив:

— Почему?

Чжоу Цзылан промолчал. Проигнорировав вопрос, он холодно добавил:

— Глава секты только что прислал сообщение. До Большого состязания осталось меньше четырех месяцев. Лучше займитесь тренировками, не позорьте нашу секту.

Сказав это, он развернулся и снова скрылся в своей хижине.

После того как во дворе наступила тишина, Чэнь Ецин оставил Шан Сюаня в покое и ушел в свою спальню. Шан Сюань же не спеша вернулся на кухню, взял чистые палочки, спокойно поел и, убрав за собой, поднял с земли вещи, которые бросил Чэнь Ецин, отряхнув с них пыль. Затем он отнес их в маленькую, темную каморку и застелил постель. Эта комната находилась дальше всего от хижины Чжоу Цзылана.

Чжоу Цзылан, тайком наблюдавший за ним из окна, глядя на эту хрупкую, одинокую и жалкую фигуру, почувствовал, как совесть начала слегка покалывать. Всё-таки он прожил уже тридцать лет, и травить ребенка было как-то не по-мужски. Может, попробовать перевоспитать великого демона любовью?

Когда Чжоу Цзылан засомневался, в его голове появился маленький дьявол с ножом. Он одним махом отсекал эту мысль и закричал:

— Ты, тридцатилетний девственник, даже первого поцелуя не познал, а хочешь перевоспитать демона любовью? Да ты бредишь! Проще просто прикончить этого щенка и дело с концом!

С другой стороны выскочил ангелочек, который принялся качать головой и увещевать:

— Любовь бывает разной! Не обязательно крутить романы, чтобы влиять на людей. Можно проявить заботу и родственное тепло. Грубость — это невоспитанно, не по-джентльменски!

Дьяволенок сжал кулаки:

— Сейчас я покажу тебе, что такое не по-джентльменски!

Они сцепились в яростной схватке. Чжоу Цзылан раздраженно отмахнулся от этих мыслей, повалился на кровать и уснул.

Тем временем Шан Сюань, обустроившись в своей каморке, посмотрел через окно на хижину учителя, и на его губах появилась едва заметная улыбка. Хорошо, что он так далеко. Теперь он может делать многое, не опасаясь чужих глаз. Именно поэтому он так спокойно отнесся к выходке Чэнь Ецина. Его прежняя спальня была слишком близко к хижине Чжоу Цзылана, и любое неосторожное движение могло вызвать подозрения. А здесь — самое то.

После двух-трех дней, проведенных за приемом лекарств, которые давал Шан Сюань, Чжоу Цзылан почувствовал себя гораздо лучше. Самое главное — пропала тяжесть в теле, появились силы, и теперь он мог даже пробежать несколько кругов вокруг горы Чунмин, не сбив дыхания.

Ничего не подозревающий Чжоу Цзылан был тронут до слез. Он тут же схватил Шан Сюаня за руку, благодаря его, и едва не разрыдался от избытка чувств. Более того, после долгих раздумий он принял решительное решение: пока будущий великий демон еще сохранил хоть каплю человечности, нужно во что бы то ни стало наставить его на путь истинный!

Спустя много лет, вспоминая себя нынешнего, Чжоу Цзылан будет яростно материться: «Дурак, тебя продали, а ты еще и за подсчет денег благодаришь!»

Но сейчас он пребывал в сладкой иллюзии, что юный демон — хороший человек.

Прошло еще два спокойных дня, и к нему пришел Цин Ли.

— В деревне Няньтан, что у подножия горы, случилась беда, — Цин Ли обмахивался веером, все такой же хитрый лис, но его брови были нахмурены, а вид — серьезен. — Там внезапно появились демонические твари, уже пострадало несколько жителей.

Деревня Няньтан была ближайшим к секте поселением, она всегда находилась под защитой небожителей, и ни один демон не смел туда соваться. Это был первый подобный случай в истории.

Чжоу Цзылан задумчиво кивнул. В оригинале он хорошо запомнил этот эпизод. В мирную деревню вторглись демоны, и секта отправила Лан Юэ с несколькими учениками на расследование. Перед уходом Шан Сюань просил взять его с собой для практики, но Лан Юэ наотрез отказал. Поэтому в книге события в деревне Няньтан подробно не описывались.

Однако, когда Лан Юэ вернулся, все остальные ученики были мертвы, а сам он, тяжело раненный, едва дышал. Тогда Шан Сюань, разъяренный тем, что его учителя так покалечили, тайком схватил меч и отправился в деревню мстить, откуда вернулся, едва выжив.

Разумеется, этот сюжетный поворот был нужен не для того, чтобы показать благородство Шан Сюаня, а для введения в историю одной из его будущих наложниц — Нин Вань, ученицы Сяньцзуня Лянь Цзи. В книге говорилось, что она не отходила от постели раненого Шан Сюаня, и после того, как он очнулся, они сблизились и между ними вспыхнули чувства. Точнее, чувства возникли только у Нин Вань, которая любила его до самозабвения, не раз спасала ему жизнь — в общем, была глубоко влюбленной дурочкой.

Но Шан Сюань не был способен на глубокие чувства, скорее, он был холодным и отстраненным. Он никогда не смотрел на Нин Вань как на равную и не обращал внимания на ее жертвы. Когда Чжоу Цзылан читал это, он был в такой ярости, что готов был задушить этого щенка Шан Сюаня собственными руками.

Даже сейчас, вспоминая это, Чжоу Цзылан чувствовал, как внутри все закипает от негодования.

<http://bllate.org/book/18914/1849451>